

Сейед Хосейн Наср

ВЛИЯНИЕ СУФИЗМА НА ТРАДИЦИОННУЮ ПЕРСИДСКУЮ МУЗЫКУ

Статья была опубликована в журнале «ИРАН-НАМЕ», №4, 2007г., стр.204-211

Связь между духовностью и искусством ислама, воплощенным в музыкальных формах, особенно ясна и интенсивна в классической персидской музыке, которая представляет собой одну из наиболее важных и долговечных традиций народов, исповедующих ислам. Традиционная персидская музыка, подобно всем имеющим духовную природу искусствам, берет начало в молчании. Ее умиротворенность и спокойствие выражают вечную Истину в обрамлении звуков, принадлежащих миру внешних форм, в то время как Истина эта существует вне всяких форм, определений и уточнений. Покой и свет этой музыки – печать мира Духа, наложенная на мир форм. Корень каждого мелодичного звука формируется в глубинах обширного мира молчания, лежащего за пределами любого звука. Но каждый звук существует лишь благодаря животворящей силе того мира.

Человек находится между двумя мирами, наполненными молчанием. Эти миры в определенном отношении неясны и неведомы ему. Первый – это время до рождения, второй – время после смерти. Помещенная между ними человеческая жизнь, как внезапный крик, на мгновение нарушает бесконечное молчание, только чтобы затем слиться с ним. Но более пристальный взгляд открывает: то, что кажется человеку молчанием или пустотой за пределами жизни этого мира, есть чистое Бытие; то же, что очевидно, – текущие мгновения жизни в этой материальной вселенной – есть только отражение и тень иного Бытия. Жизнь человека также – не более чем шум и крики перед лицом вечного молчания, которое и есть наиболее глубинная разновидность музыки. Жизнь этого мира обретает смысл, только если

вливается в это молчание и превращает внешние шум и волнение в прекрасную музыку, звучащую в нашем внутреннем пространстве.

Суфизм – путь, открывающий доступ к сокровищу молчания, являющемуся средоточием человеческого бытия. Это сокровище доступно лишь тем, кто обладает мудростью, оно питает любые наши осмысленные действия. Оно – источник жизни и человеческого существования. Суфизм – вера, берущая начало в Божественной Милости; он средоточие и сердце откровения ислама. Это ключ, врученный человеку для того, чтобы тот мог открыть тайну собственного существования и овладеть забытым и пренебрегаемым сокровищем, сокрытым в этом существовании. Суфизм дает человеку средство познать самого себя и, через себя, Бога, средство научиться слышать музыку молчания. Пользуясь учениями и методами духовного пути, человек может прийти к пониманию самого себя, к смерти иллюзорного «себя», чтобы вернуться к жизни в осознании себя реального. Суфизм способен привести человека к спокойствию и миру, скрытым в святая святых его собственного существования и доступным в любое время, в любом месте. Он может увести его от сокрушительной бури событий внешней жизни, от шума толпы – но без необходимости покинуть этот мир. В итоге человек научается слышать внутреннюю музыку всего живого и, поверх шума повседневности, слушать музыку Молчания в Вечности.

Чтобы выразить заложенную в нем истину, суфизм может использовать и использует различные доступные ему средства – искусство ткачества и искусство стрельбы из лука, архитектуру и музыку, логику и традиционную теософию (хикмат-и илахи). Цель суфизма – возвести человека из мира форм в мир Духа; но поскольку человек существует в мире форм и в начале духовного пути не отделен от него, суфизм именно посредством мира форм склоняет внимание человека к области Духа.

Форма – завеса, скрывающая духовный мир; но в то же время форма – символ духовного мира и лестница, посредством которой достижимо единство с ним. Поэт Авхад Кирмани сказал:

*Я изучаю форму (сурат), пользуясь глазом,
поскольку в форме – путь Духа (ма'на).
Это мир форм, и мы живем, заключенные в них;
дух не увидит без участия формы.*

Немногие могут достичь стадии полного отказа от материального мира (таджарруд), без нужды в помощи мира форм. Большинство из тех, кто обладает навыками, необходимыми для духовной жизни, могут достичь мира Духа только через форму – столь

очищенную и возвышенную традиционным искусством, что тьма и замутненность множественности покидают ее, и потому она отражает, как зеркало, духовный мир. Этой формой, как мы видели, может быть геометрическое изображение в архитектуре, узор в живописи или каллиграфии, мелодия в музыке. Суфизм использовал все эти возможности и оказал глубокое влияние почти на все аспекты исламского искусства.

Среди традиционных искусств музыка занимает особое место, так как менее чем все другие искусства связана с миром материальных форм и соединена более прямым путем с миром духовных сущностей (муджаррадат). Не напрасно в индуизме первым искусством, ниспосланным человеку с небес, считалась музыка, а мусульманские гностики, или познавшие (арифы), считали музыку лучшим средством для выражения тончайших божественных тайн. Говоря словами Джалал ал-Дина Руми, традиционная музыка под покровом мелодии выражает таинства нетленного завета, заключенного между Богом и человеком (асрар-и аласт).

Своим происхождением обязанный иному миру, человеческий дух все же соединен с земным телом через некий талисман, секрет которого известен только Богу, таким образом вызывающему дух к жизни в низшем мире. Но дух всегда сохраняет память об изначальном доме, о родине, и все усилия человека достичь совершенства, даже ограниченные миром материи, имеют корни в этом воспоминании. В том, другом мире, человеческий дух был вечным слушателем и участником непрекращающегося концерта, чья красота и гармония насыщали его. С помощью традиционной музыки дух, живущий в темнице тела, вновь вспоминает о мире, где жил первоначально. Талисман, связующий его с телом, может даже быть разбит; птица духа, пусть на несколько мгновений получит свободу, чтобы расправить крылья и совершить полет в безграничных пространствах духовного мира, испытал радость и озарение, свойственные тому миру. Са'д ал-Дин Хамуйа так говорит об этом:

Когда сердце присутствует на духовном концерте (сэма),¹

Оно следует за Возлюбленным и возносит душу

В мир Божественных Тайн.

Мелодия – конь моей души;

Она подхватывает душу и радостно несет

Туда, где находится Друг.

Человек, достигший состояния духовного совершенства, не нуждается в транспортном средстве, потому что сам обладает способностью летать. Но, пока это

---

¹ Сэма – слушание духовной музыки, радение (прим. ред. перевода)

состояние не достигнуто, духовная музыка такая, как традиционная музыка Персии, может стать одним из сильнейших средств для пробуждения подготовленного человека от сна забывчивости (гафла)². Суфизм воспользовался древнеперсидской музыкой и вел к ее совершенству, как многие иные виды искусства, пока она не стала средством, способным служить его целям. Вот почему, оценивая воздействие этой музыки на душу человека, мы придаем мало значения ее происхождению – принадлежит ли она Барбадской школе или восходит к периоду Ахеменидов. Важно, что эта музыка испытала влияние суфизма и была трансформирована им таким образом, что в ней проявилось внутреннее и духовное измерение, соединяющее того, кто способен к духовному восхождению, с Возлюбленным.

Связь традиционной персидской музыки с суфизмом не случайна и не может быть сведена только к истории. Скорее, она коренится в глубинной реальности, оказавшей значительное влияние на способы воздействия музыки 1. Сэма – слушание духовной музыки, радение (прим. ред. перевода) 2. Гафла – небрежение на Пути, поглощенность собой и забвение о Боге (прим. ред. перевода) на душу слушателя. Чтобы полностью уяснить себе этот момент, необходимо помнить о стадиях духовного пути (сэйр ва сулук). И хотя существует множество способов описания и объяснения пути, ведущего к единению с Богом в суфизме, все они могут быть сведены к трем главным стадиям. Первая из них – сжатие (кабд). Здесь отмирает определенный аспект человеческой души; эта стадия связана с аскетизмом и благочестием, а также с проявлением или теофанией (таджалли) Божественных имен Справедливости и Величия. Вторая стадия – расширение (баст); душа претерпевает его столь интенсивно, что человеческое существование выходит за собственные пределы, чтобы объять всю Вселенную. Тогда человек может сказать с Саади:

Я радуюсь в мире, потому что мир радуется в Нем.

Эту стадию сопровождают чувство счастья и восторга и проявление Божественных имен Красоты и Милосердия. Третья ступень – единение с Истиной (висаль би Хакк) через достижение стоянок растворения в Боге (фана') и пребывания в Боге (бака'). На этом уровне познавший проходит мимо всех остальных стоянок (макамат) и достигает созерцания Лица Возлюбленного. Он видит с новой ясностью, что, как сказал Хатиф Исфаханский:

Он – единственный, и нет ничего кроме Него:

Нет Бога иного, кроме Него.

---

² Гафла – небрежение на Пути, поглощенность собой и забвение о Боге (прим. ред. перевода)

Музыка связана со второй и третьей стадиями, но не с первой. Поэтому в исламе Божественный Закон, или шариат, предостерегает от слушания музыки, исключая особые случаи, как, например, упомянутые выше, или ту высшую и чистейшую мелодическую форму, которую представляют собой декламации стихов Корана. Указания шариата связаны с религиозными установлениями и запретами и с понятием Божественной Справедливости. Но в суфизме, имеющем дело с продвижением по духовному пути, музыка разрешена и в некоторых орденах таких, как Мавлавийа или Чиштийа, играет особенно важную роль.

Духовная глубина традиционной персидской музыки восходит к самому учению ислама, повернувшему музыку лицом к миру Духа. Западная музыка на протяжении двух последних веков была, по большей части, попыткой достичь второй из названных выше стадий, заставляя душу испытывать расширение, которое не всегда было связано с причинами духовного порядка и по своей природе не было духовным, имея слушателя, не прошедшего школу аскетизма, благочестия и непривязанности к миру. В то же время традиционная музыка Персии и других мусульманских стран была основана на осознании реальности первой стадии и ее влияния на душу и разум слушателя. Последнее верно и для музыки Северной Индии, которая создавалась и исполнялась, в основном, суфиями; многие ее мастера, вплоть до сегодняшних дней, такие как Рида Кули Хан, Ала'уддин Хан и Бисмилла Хан, – мусульмане. Глубина традиционной музыки ислама, влекущая человека из мира материального и погружающая корни древа его жизни в почву иного мира – мира Духа, сохраняется благодаря тому, что люди, писавшие и исполнявшие эту музыку, сами достигли стадии непривязанности и обладают духовными состояниями (хал) в истинно гностическом (ирфани) значении этого термина.

Из цитированных слов Рузбихана Бакли ясно видно, что суфии знают о вышеприведенных фактах и считают слушание музыки и радения (сэма) допустимыми лишь для тех, кто прошел первую стадию в совершенствовании и очищении души, заключающуюся не в чем ином как в порабощении низменных страстей. Вот что пишет Газзали в своей книге «Алхимия счастья», в главе «По поводу дискуссий о слушании музыки (сэма), а также о том, что в нем разрешено и что запрещено»: «Знай, что Бог, Всевышний, владеет тайной в сердце человека, скрытой, как огонь внутри железа. И как тайна огня выходит наружу из-под оболочки, разбитой камнем, так и слушание прекрасной и гармоничной музыки приводит внутреннюю суть человека в движение, и в нем является нечто новое, от выбора его не зависящее. Причина этого явления – в связи, существующей между средоточием человеческого сердца и трансцендентным миром, называемым миром

духов. Тот мир полон чудес и красоты, источник которых – в гармонии (танасуб). Все, что гармонично, являет красоту того мира, поскольку все чудеса, вся красота и гармония мира этого происходят из него. «Итак, приятные и гармоничные песни имеют нечто общее с чудесами того мира, оттуда в сердце приходит знание, вместе с движением (харакат) и стремлением, и может случиться так, что человек сам не осознает, что это. Это так, когда речь идет о простодушном сердце, свободном от разного рода влюбленностей и желаний, которые могли бы влиять на него. Но если оно не свободно от всего этого и занято чем-то, то вещь, которой занято сердце, приводится в движение и начинает расти, подобно раздуваемому огню. Слушание музыки (сэма) важно для того, в чьем сердце царит любовь к Богу, и огонь этой любви лишь разгорится сильнее; но для того, чье сердце полно любви к суетному, музыка становится смертельным ядом и поэтому запрещена».

Суфии допускают к участию в духовном слушании музыки лишь тех, кто духовно подготовлен и имеет определенные навыки, то есть тех, кто ускользнул из бездны материального мира и его ловушек. Саади сказал:

*Я не скажу, о, Брат, что такое сэма,
До тех пор, пока не узнаю, кто слушатель.
Если он начинает полет с башни Духа,
Ангелам не угнаться за ним в парении.
Но если он полон заблуждений, суеты и фальши,
Дьявол в его мозгу станет лишь сильнее.
Роза сломана утренним ветерком,
Но не бревно – только топор сможет расколоть его.
Мир живет музыкой, опьянением, рвением, -
Но что может увидеть в зеркале слепой?*

Влияние суфизма на традиционную персидскую музыку во многом определяется тем фактом, что суфизм сделал музыку средством, помогающим духу достигнуть иного мира, но только для тех, кто принял на себя все тяготы аскетизма и духовной дисциплины, первой стадией которой является благочестие и страх Божий. По той же причине те, кто наслаждаются этой музыкой, не пройдя первой стадии духовного пути, никогда не достигнут безграничного пространства иного мира, и если их душа и будет вознесена туда небесной музыкой на несколько мгновений, то снова испытает падение, когда музыка перестанет звучать, и они не смогут сохранить свое духовное состояние.

Далее, музыкант, исполняющий музыку, созданную людьми, которые сами достигли определенных духовных стадий и которые были свободны от самих себя и играли в

состоянии духовного озарения, может, не исказив, донести ее до слушателя, только если он сам забывает о себе. Традиционная музыка Персии слишком глубока, чтобы можно было долго ее исполнять или соприкасаться с ней, если этому не предшествовала некоторая духовная трансформация музыканта и забвение им своего будничного, мирского состояния. Многие спрашивают, почему в наше время некоторые исполнители традиционной персидской музыки привержены наркотикам. Возможная причина в том, что многие из них не воспользовались благодатью, даруемой суфизмом и мистическим постижением, не обладают и средством для достижения духовных состояний и стоянок через истинный суфийский путь мистического постижения. Поэтому они прибегают к единственному пути, на котором они могут забыть себя на несколько мгновений. Так или иначе, с точки зрения суфизма, очевидно, что обретение духовной пользы от музыки возможно только через очищение души и укрощение дракона внутри себя. Только это может высвободить птицу духа и подготовить ее к подъему, возможному лишь с помощью духовной музыки.

Духовный подъем, достигаемый с помощью традиционной персидской музыки, может идти разными путями. Один путь лежит через мелодию, которая шаг за шагом ведет человека от одного духовного состояния к другому, чтобы завершить путь состоянием духовной радости и озарения. Система построена так, что за основу взята одна определенная нота; ею начинается мелодия и к ней постоянно возвращается. Музыка в процессе ее исполнения никогда не оставляет Центр, но всегда возвращается к нему. Таким образом, переживание музыки есть опыт пребывания в космосе звука с Центром, к которому музыкальная композиция ведет слушателя и достижение которого – музыкальный аналог духовного подъема. Другой способ достижения цели – в ритме и метре музыки. Они меняют взаимоотношения человека и обычного времени – одной из важнейших характеристик жизни этого мира. В персидской музыке есть очень быстрые и правильные ритмы, а также мгновения тишины, не заполненной никакими ударами или иными формами отсчета времени. Прежде всего, человек оказывается объединенным с пульсирующим ритмом жизни космоса, который в жизни каждого представлен биением его собственного сердца. Жизни человека и космоса сливаются в одну, микрокосм объединяется с макрокосмом, и человеческий дух претерпевает расширение и участвует в радости и озарении, которые окружают мир и не могут быть восприняты человеком, находящимся в состоянии забвения Бога (гафла). Во втором случае, когда пресекаются любой ритм и временной отсчет, человек внезапно оказывается отрезанным от мира времени; он чувствует, что стоит лицом к лицу с Бесконечным и обогащается радостью растворения в Боге (фана') и пребывания в Боге (бака').

Совершенный познавший (ариф) не нуждается в музыке или другом традиционном искусстве, так как он и его жизнь сами по себе являются произведениями искусства. Тем не менее, поскольку его внутренние чувства разбужены, то можно сказать, что он постоянно пребывает в состоянии слушания духовной музыки. Весь мир для него – непрекращающаяся песня. Он видит существование неразлучным с гармонией и красотой. Точно так же он прозревает эту красоту в красках и формах тварного мира и мира природы, особым слухом улавливает ее в музыкальной форме. Его жизнь неотделима от счастья и радости музыки. Если он слушает традиционную музыкальную композицию и наслаждается ею, то лишь потому, что эта музыка, восходящая к молчанию Духа, подтверждает его собственные внутренние состояния. А если он бежит от того, что некоторые люди сегодня называют музыкой, но что на самом деле является лишь шумом и какофонией, лишенными всякой духовной ценности, – то потому, что слушание такой музыки мешает его внутреннему духовному состоянию; ее дисгармоничность прерывает и рассеивает песню, звучащую в сердцевине его бытия. В то же время, если этот человек – талантливый композитор и исполнитель, каковыми были многие суфии (а большинство великих мастеров традиционной персидской музыки были связаны с суфизмом), то сочиняемое и исполняемое им будет отражением его духовных состояний, скрытым под покровом звуков. Звуки эти складываются в мелодию, которая может привести слушателя к таким же состояниям.

Можно также сказать, что суфий сам – инструмент в руках Создателя, и то, что он порождает, – песня, исполняемая небесным Музыкантом и слышимая внутри его бытия. Мир – тоже песня, сотканная из гармоничных звуков, составляющих мелодию. Когда познавший раздрает завесы отдельного существования и сливается со своим изначальным состоянием и первичной природой, он так же, как мир, вторит мелодии, которую создает всем своим бытием – постольку, поскольку он является послушным инструментом в руках Бога. Какая радость превыше той, что испытывает человек, не только слушающий духовный концерт, но и сам как музыкальный инструмент участвующий в нем? Этот человек, подчиняя свою волю Божественной Воле, полностью отдает себя в руки Бога и становится источником мелодий, вызывающих радость и чувство счастья и ведущих слушателя к изначальному дому и последнему, высшему убежищу.

В современном мире, где достижение подлинной одухотворенности становится с каждым днем все труднее, и красота, которая раньше была повсюду, сводится к роскоши, традиционная музыка обладает огромной ценностью, ибо она сравнима с убежищем во время грозной бури, с прохладным оазисом посреди раскаленной пустыни. Сегодня

многие интересуются этой музыкой, не зная о глубинной причине такого интереса. В действительности эти люди ищут духовной жизни и того покоя и мира, которые скрыты в самой сущности духовной по природе музыки. Они хотят обрести “чудеса вечного завета между человеком и Богом, под покровом мелодии”, красота которой влечет их к себе; ее исполненная печали оболочка – только предисловие к той несказанной радости, что скрыта внутри.

В наши дни традиционная персидская музыка может быть благодатным источником, как для персов, так и для других мусульман и всех тех, кто придерживается традиции. Для потерянных и жаждущих душ она служит убежищем от разрушительных влияний времени и, по крайней мере, для некоторых, проводником, ведущим от ее собственной удивительной красоты к красоте Абсолюта. Эта музыка – песня мира вечного, звучащая в мире времени и пространства, поэтому она не подвержена вырождению или искажению. Как солнце на рассвете, ее весть всегда свежа и животворна. От нас требуется напрячь зрение и слух настолько, чтобы с помощью ее мелодий и, конечно, с Божественной Помощью, мы могли оставить мертвенность, ложно именуемую жизнью, и достичь истинной жизни, не знающей затмений. От нас зависит, осознаем ли мы важность этого драгоценного наследства, в котором, как и в других аспектах богатейшей культуры ислама, нуждаемся сейчас более чем когда-либо раньше.

О, виночерпий, наполни наш кубок светом вина!

О, менестрель, спой о том, как мир побежден нашим стремленьем!

Мы увидели в чаше отражение,

И это было лицо Друга.

О, ты, кто не знает веселья наших вечных пиров!

Тот, чье сердце заставила биться любовь,

Не умирает;

Наше постоянство Вписано в книгу Вселенной.

(Хафиз) (Пер. М.Кузнецовой)